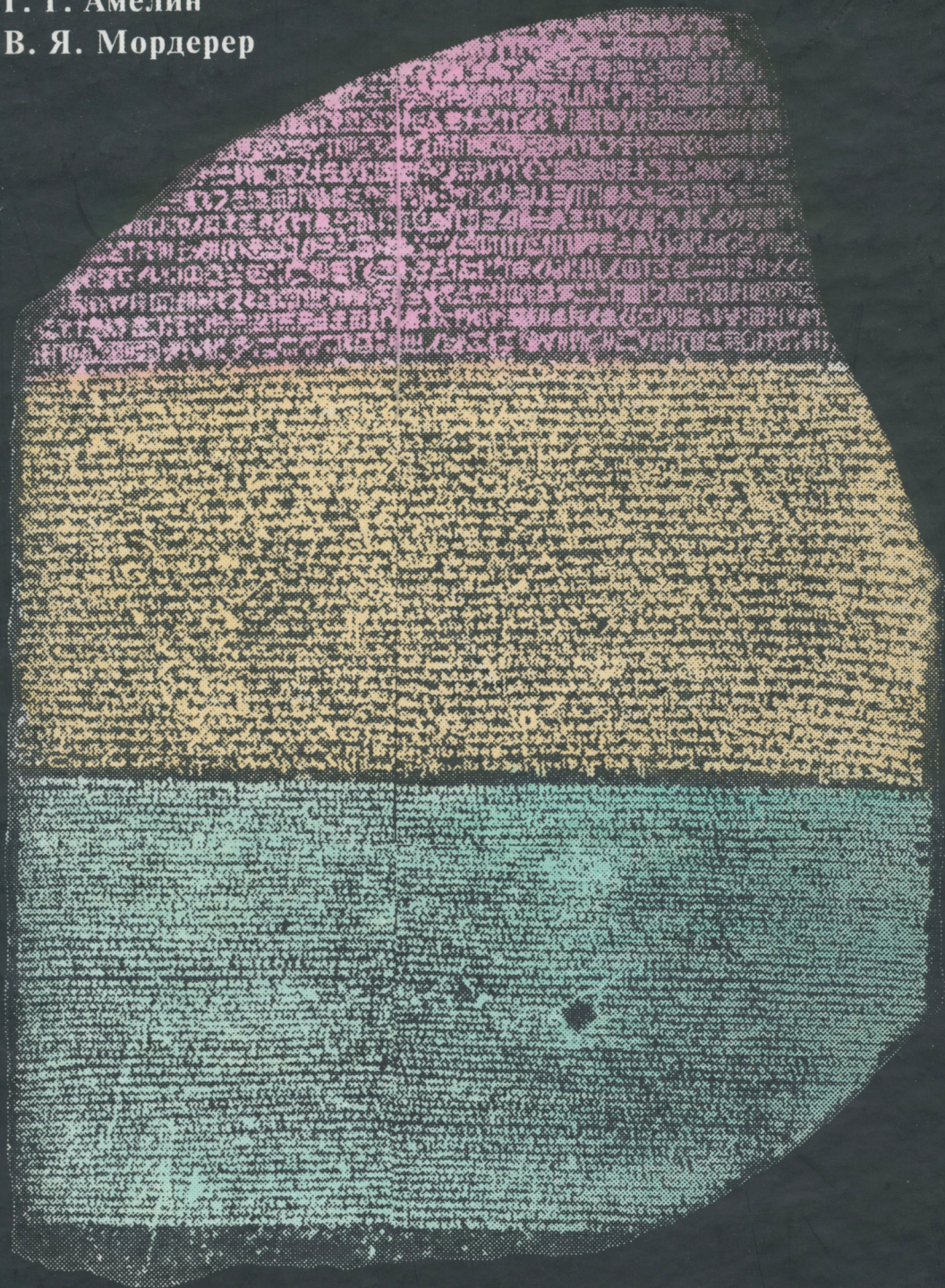

МИРЫ И СТОЛКНОВЕНИЯ Осипа Мандельштама

Г. Г. Амелин

В. Я. Мордерер

МИРЫ И СТОЛКНОВЕНИЯ Осипа Мандельштама

Г. Г. Амелин
В. Я. Мордерер

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва—Санкт-Петербург 2001

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
А 61

Амелин Г. Г., Мордерер В. Я.

А 61 **Миры и столкновения Осипа Мандельштама. — М.:
Языки русской культуры, 2001. — 320 с.**

ISBN 5-88766-018-X

Книга посвящена поэтике одного из крупнейших представителей Серебряного века — Осипа Мандельштама. Однако его творчество взято в широкий разрез — от И. Ф. Анненского до позднего Набокова (диахронически) и Хлебникова, Пастернака и Маяковского (синхронистически). Главный интерес составляют межъязыковые игры. Книга рассчитана на самый разнообразный круг читателей, интересующихся русской поэзией начала XX века.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Художник Елена Фокина

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.
Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-018-X

© Г. Г. Амелин, В. Я. Мордерер, 2000

9 785887 660189

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ I (А. Пятигорский).....	7
ПРЕДИСЛОВИЕ II, СОБСТВЕННО АВТОРСКОЕ.....	9
DA CARO	18
ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА. «КАНЦОНА».....	36
А ВМЕСТО СЕРДЦА ПЛАМЕННОЕ <i>МОТ</i>	64
POST SCRIPTUM	81
О ЯЗЫКЕ ГЛУХОНЕМЫХ, ПОЧТОВЫХ ГОЛУБЯХ И АРКЕ ГЛАВНОГО ШТАБА	105
ОРФОЭПИЯ СМЕРТИ	116
СТАЛИН И ТАРАС БУЛЬБА	138
АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ИГЛА	145
«ПУШКИН–ОБЕЗЬЯНА».....	219
«Я ЛЮБЛЮ СМОТРЕТЬ, КАК УМИРАЮТ ДЕТИ...».....	247
ТОПОЛОГИЯ УЛЫБКИ	277
РОЗЕТТСКИЙ КАМЕНЬ.....	282
ЭРОТИКА СТИХА	299
ВСЁ	311
ЛИТЕРАТУРА	315

ПРЕДИСЛОВИЕ I

Это не о содержании книги и не об её авторах. Потому, что гораздо интереснее здесь — **объективная интенциональность** текстов и определяемая ею их тематичность и тональность. Власть литературы (как и науки о ней) кончилась вскоре после кончины ВЛАСТИ. Власть как предела и источника любого самоотождествления (или противопоставления, что — одно и то же). Власть, без которой Булгаков не написал бы «Мастера и Маргариты», Пастернак «Доктора Живаго» и «Вакханалии», Платонов — «Котлована», а Мандельштам — свою сталинскую оду. Когда Власть умерла **фактически**, в начале шестидесятых, не зная о своей смерти и лишь продлевая свое чисто **формальное** существование, таким же образом продлевалась иллюзия власти литературы и филологии. Так же радостно и не-сознательно, гордо и самоуверенно. Когда же Власть закончилась и в своей «исторической» форме, то и власти литературы и филологии пришлось искать другие идеологические (в строго французском, а не советском смысле этого слова) формы своего посмертного существования. [Заметьте, я говорю именно об идее **власти** словесности, а не о ней самой!]

Филология шестидесятых-семидесятых (филология в самом широком смысле этого слова — в отношении к словесности тоже в самом широком смысле) в девяностых разделилась — именно в идеологических тенденциях своего самосознания — на три направления. Первое и преобладающее — романтики. То есть те, которые, будучи полностью **исторически** (точнее, может быть, **историософски**) ориентированы, идут от себя как абсолютного личностного завершения (периода, эры, срока) назад, к первоисточнику (славянскому, христианскому, языческому, индоевропейскому, общечеловеческому — какому угодно). Через себя, свою личность, свои тексты, они реализуют германский идеал транс-исторической бытийности (в самых разных его модификациях, от Шеллинга до Хайдеггера) в конкретной исторической ситуации. Они всегда завершители; их слово не может не быть последним. И это так при всех их различиях в возрасте, характере и области знания — от Бахтина, Лихачева и Лотмана до Топорова и Аверинцева.

Второе направление — классики. Для классика текст (слово, звук, образ, событие) есть то, в чем он себя находит (а не наоборот, не текст в себе). Поэтому он не может быть в конце чего бы то ни было. Он всегда — прямой наследник прошлого, которое на нем не кончается, оно вообще не кончается. Отсюда принципиальная анти-телеологичность классика и его принципиально не-персонологическое отношение к тексту, его феноменологичность. К этому направлению относятся столь разные и по другим параметрам никак не сходящиеся ученые, как Вяч.Вс.Иванов и М.Л.Гаспаров.

Третье направление, к которому, по моей довольно произвольной классификации, принадлежат и авторы этой книги, я бы условно назвал «филологическим интуитивизмом». Методологически оно — наименее исторично. То есть история — всё время здесь, но не она объясняет текст (сама она бессознательна), а текст выбирает для нее смыслы. История виртуальна, бесформенна. Только свобода наделять её смыслом превращает её из «пустой фатальности» в конкретность живого содержания. Другой свободы у Поэта — нет, фактически декларируется авторами книги. Но — и здесь интуитивисты резко расходятся как с романтиками, так и с классиками — история не обязательна, ибо от той же свободы поэт (как и его исследователь!) может находить и другие, не-исторические смыслы. Ведь и иллюзий — бесконечно много. Исчезновение иллюзии власти, сделавшее неизбежным исчезновение абсолютной привилегированности словесности и науки о ней в России, не уничтожило ни литературы, ни филологии, но... последним придется существовать без ВЛАСТИ — чужой, своей, какой угодно. Их никто не будет ни уничтожать, ни содержать. [Ужас! От такой перспективы содрогнется самое холодное сердце!]

Книга не говорит читателю, что она — последняя из книг о поэзии Мандельштама. Но она говорит о возможности того дистанцирования от поэта и его истории, которого эта история никогда бы не разрешила ни ему, ни его исследователям.

Эти три черты интуитивистского направления — виртуальность истории, выбор смыслов и дистанцирование — делают книгу немного чудной, но оттого несколько не менее интересной. Тяжело и легко писать без власти и без мечты о победе.

Александр ПЯТИГОРСКИЙ

19 ноября 1998, Лондон